

**АНДРЕЙ
БРОННИКОВ**

ГЕРОИ НЕ ОДНОГО МОМЕНТА
ЕХАЛИ МЫ, ЕХАЛИ...

«СВО»

Андрей Бронников

**Герои не одного момента,
или Ехали мы, ехали...**

«Алисторус»

2026

УДК 94(47).081
ББК 83.3(2Рос=411.2)6

Бронников А. Э.

Герои не одного момента, или Ехали мы, ехали... /
А. Э. Бронников — «Алисторус», 2026 — («СВО»)

ISBN 978-5-00269-655-0

Эта повесть – пронзительная художественно-документальная история о жизни, подвиге и нравственном выборе командира роты разведывательного батальона 150-й мотострелковой дивизии старшего лейтенанта Максима Пескового, Героя России, и его боевых товарищей. В центре повествования – не только драматические события специальной военной операции, но и глубокий внутренний мир героев, их дружба, мужество и жертвенность. Максим Песковой – выпускник Томского кадетского корпуса и Новосибирского военного училища — с первых дней участвовал в СВО, проявил себя как настоящий офицер и человек. Повесть рассказывает о его детстве, становлении характера, службе, боевых буднях и последнем подвиге, когда он накрыл собой гранату, спасая товарищей. Через судьбу Максима раскрывается судьба целого поколения молодых офицеров, для которых подвиг – не разовый поступок, а образ жизни. Автор с документальной точностью описывает фронтовые будни, боевые операции, взаимоотношения между бойцами, их переживания, страхи и радости. В книге звучат живые голоса участников событий, воспоминания родных и друзей, что делает повествование особенно искренним и трогательным.

УДК 94(47).081
ББК 83.3(2Рос=411.2)6

ISBN 978-5-00269-655-0

© Бронников А. Э., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

От автора	7
Глава 1. Счастливый сон	11
Глава 2. Другая встреча	19
Глава 3. «Астрахань» – «Рязань»	23
Глава 4. Перепалка в эфире	28
Глава 5. Томская кадетка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Эдуардович Бронников
Герои не одного момента,
или Ехали мы, ехали...

© Бронников А. Э., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

От автора

Особая благодарность моему давнему и бескорыстному литературному помощнику Ольге Титиевской.

А также благодарю друга и боевого товарища Максима Дмитрия Шлыкова¹, позывной «Гюрза», который принял самое активное и значимое участие в работе над повестью «Ехали, мы ехали...»

Настоящее произведение задумывалось как повествование о жизни и подвиге Героя России старшего лейтенанта Максима Пескового. Однако, как это иногда бывает в литературе, главный герой помимо воли автора направил сюжет по другому руслу, расставил иные акценты и внёс новые смыслы. А также привлёк в повесть тех, кто его окружал в жизни и армейской службе, с кем дружил в большей или меньшей степени, чем предполагал автор; уберёг, насколько это возможно, от лишних переживаний родных и близких. Возможно, поэтому родители – Владимир и Елена – участвовали в канве сюжета лишь косвенно, помогая своими устными рассказами лучше понять характер Максима.

Любой человек неоднозначен в своих проявлениях, поступках, привычках, принципах и убеждениях, но только критически опасные ситуации обнажают истинную суть его личности. Героизм солдата на фронте определяется не количеством наград и не степенью их значимости, а самым образом жизни на передовой, повседневным общением, работой. Подвиг – это не событие, а образ жизни на фронте, эпизоды которого, зачастую трагические, отмечаются командованием высокой наградой или не очень, а в большинстве случаев и вовсе остаются без внимания. Критическая ситуация, требующая немедленного самопожертвования, лишь выявляет стержень характера, который и делает человека способным на подвиг. Или не способным.

Когда подвиг совершается и жизненный путь героя обрывается, с этого момента начинается нравственный подвиг его родных и близких, который становится сродни христианскому, с постоянным преодолением душевных страданий.

Эта повесть написана в художественно-документальной форме, а значит, является отчасти плодом и коллективного труда. Поэтому автор выражает благодарность всем, кто в той или иной степени принимал участие в её создании:

- родителям Максима – Владимиру и Елене Песковым;
- жене Юлии Песковой;
- координатору проекта Юлии Волковой – сестре Максима и её супругу Стасу Волкову;
- Екатерине Ефимовой – жене Героя России (посмертно) старшего лейтенанта Александра Ефимова;
- Артёму Башмакову, позывной «Астрахань»;
- Семёну Смоличеву позывной «Мурманск»;
- Владимиру Жосану, позывной «Топаз»;
- Семёну Киликельдину;
- Матвею Филимонову;
- Марии Ивановой;
- Ксении Цымбал;
- Роману Рутковскому;
- Дмитрию Васильеву.

¹ Фамилия изменена (прим. автора).

Отдельная благодарность журналисту и писателю Артему Шейнину, который своим проникновенным выступлением пробудил в авторе творческий порыв для завершения повести «Герои не одного момента, или Ехали мы, ехали...».

А также благодарность Герою России полковнику спецподразделения «Вымпел» Вячеславу Бочарову, который невольно дал часть названия повести.

Владимир и Елена Песковые от всей души благодарят сослуживцев Максима Дмитрия Шлыкова (фамилия изменена), Артёма Башмакова, Семёна Смоличева, а также всех тех, с кем ещё не общались лично.

Биографическая справка

Герой России, старший лейтенант Максим Песковой

Песковой Максим Владимирович родился 7 октября 1995 года в городе Томске. В 2002 году пошёл в первый класс 53 средней школы г. Томска. В 2008 г. поступил в Томский кадетский корпус, по окончании которого поступил в Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище. После окончания командовал взводом, а затем ротой разведывательного батальона 150 мсд (150 дивизии предыдущего формирования 10443–45 г. г. принадлежало Знамя Победы Великой Отечественной войны). С первого дня участвовал в специальной

военной операции на Украине. Погиб в боях за город Попасная 17 марта 2022 года. Старшему лейтенанту Максиму Песковому было присвоено звание Героя России (посмертно).

Глава 1. Счастливый сон

Государственный деятель, который видит, что война неизбежна, и не может решиться ударить первым, виновен в преступлении против своей страны.

Карл фон Клаузевиц²

Новый Айдар. Украина, 6 марта, 2022 год.

В сознании Максима внезапно возникла безмятежная картинка из глубокого детства. В ласковых лучах утреннего летнего солнца он увидел себя годовалым ребёнком на коленях ещё совсем молодой мамы, сидящей на деревянной скамейке возле подъезда, потемневшего от времени брусового дома. Она придерживала его за ручки и речитативом напевала: «Ехали мы, ехали, прямо в ямку бух!» – и в этот момент мама быстро разводила колени, а мальчуган с замиранием сердца, заливисто смеясь и путаясь ножками в длинном подоле её платья, проваливался вниз, а затем снова взлетал вверх – и: «Ехали мы, ехали, прямо в ямку бух! – вновь и вновь слышался нежный речитатив ласкового маминого голоса. – Ехали мы, ехали, прямо в ямку...»

«Рота, подъём!» – Максим мгновенно проснулся от давно привычной команды и открыл глаза. Напротив его топчана в старом потёртом кресле сидел «Гюрза» и нагло улыбался. Впрочем, эта наглость была напускной. «Гюрза» – капитан Дмитрий Шлыков – был давним другом Максима.

² Прусский военный деятель, военачальник, военный теоретик, историк и этик. Полковник Русской армии (1813), генерал-майор Прусской армии.

«Гюрза»

Они познакомились, когда молодой лейтенант Песковой прибыл в воинскую часть для дальнейшего прохождения службы. Правда, первыми подружились их коты Сэм и Вжик. Вначале семьи – Дмитрий и Кристина, Максим и Юлия – передавали друг другу на передержку своих домашних питомцев, а затем проявились и общие интересы у их владельцев. В свободное от службы моменты – совместные велосипедные прогулки, бассейн, во время отпуска – горные лыжи. Максим искренне считал Дмитрия своим наставником, а тот в свою очередь охотно по-

дружески покровительствовал недавнему выпускнику Новосибирского командного военного училища, помогал ему влиться в незнакомый воинский коллектив.

Максим с «Гюрзой», Архыз

Время на войне течёт иначе, во много раз быстрее, чем в мирной жизни, и поэтому за две недели боев в ходе СВО их дружба окрепла и превратилась в настоящее кровное братство. «Гюрза», за спиной которого уже была чеченская кампания и боевой опыт, старался, насколько это возможно при службе в разных подразделениях, беречь своего друга. Он помогал ему освоить приёмы, казавшиеся на первый взгляд мелочами, которые в бою могли спасти жизнь.

Максим не спешил вставать. Он, улыбаясь, снова закрыл глаза. Счастье ребёнка не в том, в каких условиях он живёт, а в том, какие люди его окружают. Это их любовь и забота делают его счастливым, и жизнь наполняется радостью и любовью. Может, поэтому, глядя на свою убогую деревянную двухэтажку, он всегда испытывал сладкое чувство умиротворения и защищённости. Даже сейчас, вспоминая то место, Максим был счастлив, хотя жил там ещё практически в несознательном возрасте.

Каждый военный имеет удивительное свойство мгновенно и крепко засыпать в любое время суток, при любых обстоятельствах и в любом положении: стоя – на дежурстве в казарме у тумбочки, лежа – в окопе, в лесу зимой, а то и в луже, сидя – на броне или в кузове «Урала». И так же мгновенно просыпаться.

– Чего улыбаешься? Подъем! – повторил команду «Гюрза». – Стой, дай угадаю... Юлька приснилась?

– Не-а, – наконец поднялся «Томск» и сел на топчане.

– Так... дай угадаю. Кот Сэм? – пошутил Дмитрий.

– Не-а. Мама и я в глубоком детстве, – мечтательно признался Максим. – Мы тогда на Бактине жили в брусовой двухэтажке. Старой, как дерьмо мамонта...

– Бактин – это район?

– Ага. Рядом с городским кладбищем, – Макс вновь прилёг на топчан, подложив одну руку под голову.

Ты мой герой. Максим в детстве с сестрой Юлией

– Кладбищем? – удивился «Гюрза». – Ты мне раньше об этом ничего не рассказывал.

– А что рассказывать? Там все мое детство прошло до кадетки, – «Томск» вновь поднялся с топчана и по привычке принялся аккуратно заправлять постель старым трофейным одеялом. – Классное место. Мы там с пацанами в войнушку играли, на великах катались. Потом

мы на Демьяна Бедного переехали тоже в двухэтажку, но кирпичную. Кстати, ещё ближе к кладбищу. Жрать хочешь? – вдруг спохватился Макс.

– Конечно! – Дмитрий, пока Макс собирал нехитрый провиант, ещё раз внимательно осмотрелся по сторонам, оценивая убежище бойцов. – А вы неслабо устроились тут. На кроватях спите. Еду сами готовите. Поди, электричество есть?

– А как же. Где рюкзак, там и дом, – пошутил старой армейской шуткой Максим. – Даже генератор имеется, – и принялся консервным ножом от патронного цинка открывать банку тушенки.

– А этот ништяк где добыл? – спросил «Гюрза», имея ввиду тушенку.

– «Укропы» оставили, – «Томск» взял со стола ложку, тщательно протер её чистой тряпкой и подал другу. – У нас даже душ есть! – похвастался он.

– И ты молчишь?! – Дмитрий вскочил с кресла и сразу начал разоблачаться. – Сначала помыться, жратва потом, – скинул он с головы страйкбольный шлем.

– Ты так в страйкбольной приблуде на штурмы и ходишь?

– Пофигу! Другого нет пока, – небрежно махнул рукой «Гюрза», и это не являлось позерством. Он таким был всегда и делом успел доказать это всем, хотя и не ставил перед собой такую задачу – так складывались обстоятельства. – Удобно же, – Дмитрий повертел шлем в руках и бросил его на топчан. – Без «ушей». Как раз под гарнитуру подходит.

– Ну, ты шумоголовый до безумия, – шутливо укорил друга Максим.

Страйкболом Дмитрий увлекался давно. Ещё курсантом он понял пользу этого военно-прикладного вида спорта. Одно дело отрабатывать тактические приёмы, перебегая с места на место на полигоне или в лесу, а другое – ощущать на себе хоть и не опасные, но реальные, порой болезненные попадания пластиковыми боеприпасами. Это позволяло анализировать свои ошибки и тактические недочёты. «Гюрза» оценил такую пользу с первых дней чеченской кампании, на которую он попал сразу после выпуска из военного училища. Страйкбольный шлем был с ним всегда, с незапамятных времён.

Этот «игрушечный» защитный головной убор был точной копией штатного тактического шлема пехоты США. Удобно сконструированный, добротно сделанный, имел лишь один недостаток – он был пластмассовый. Когда «Гюрза» получил штатную каску, то посчитал её неудобной и, не сомневаясь ни на минуту, заменил её пластмассовой.

– Ну что? Идём? – «Гюрза» положил на колченогий стол бронежилет и вопросительно посмотрел на друга.

– Ага. Идём. А как ты меня нашёл – то? – запоздало удивился «Томск».

– Как, как? – приятели вышли на улицу. – Какомверху, – засмеялся Дмитрий.

Максим вдруг остановился у входа убежища, обложенного бетонными блоками.

– А это что за бардачина стоит, да ещё с ВДВшным флагом? – спросил он ближайшего бойца.

На дороге стояли несколько автомобилей «Урал» и закопчённая украинская БРДМ во главе колонны, над которой гордо реял синий флаг с желтой эмблемой воздушно-десантных войск России.

– Это мой ништяк, – похвастал «Гюрза» из – за спины друга.

– О! А ты уже своей техникой обзавёлся? – обернулся Макс. – Где добыл?

– Махнул не глядя, – засмеялся Дмитрий. – «Укропы» бросают исправную технику на дороге. А чего ей зря пропадать? Флаг десантура подарила, чтобы под раздачу от своих не попасть. Они нас чуть не охреначили. Хорошо, вовремя разобрались...

Из воспоминаний «Гюрзы»

Началось всё в конце января. Батальон выехал на учения, на сборы, и всё шло штатно. Занимались согласно расписанию боевой подготовки, изучали материальную часть, и ничего не предвещало того, что началось впоследствии.

Потом появились слухи, что «что-то будет», предстоит «нечто серьёзное», но конкретно никто ничего не знал. Слухам мы никогда не верили, и поэтому продолжали спокойно заниматься, с нетерпением ожидая возвращения на «зимние квартиры».

В феврале на полигоне мы дружным коллективом роты отметили мой день рождения. Попили чаю, я заказал тортики. Мой командир группы с позывным «Сомали» позвонил в Киев и заказал в ресторане напротив Верховной Рады банкет на всю роту. Свободное место было только на 26 февраля. Разговаривая с администратором, «Сомали» спросил его, принимают ли они российские рубли, и, получив отрицательный ответ, заверил его, что «это ненадолго, скоро будете принимать».

Семнадцатого февраля понеслись слухи, что мы будем заходить на территорию Украины. Для меня к тому моменту это представлялось не только неминуемым, но и необходимым. Нацизм там к тому времени расцвел пышным цветом, а после того, как начали создаваться нацистские вооруженные формирования, это стало и вовсе очевидным, потому что я понимал, что подобного рода военные части создаются только для нападения и схватка неизбежна. Вопрос заключался только в том, кто выиграет тактически и стратегически. Чтобы боестолкновения не происходили на нашей территории, необходимо было наши войска ввести в стан противника.

Восемнадцатого февраля нас построили в колонны. Так как моя рота не имела штатной техники (по боевому применению доставка подразделения должна была осуществляться за линию фронта воздушным путем), личный состав разместили в технике подвоза – тентованных «Уралах», и мы выдвинулись в сторону н. п. Миллерово.

Учения продолжались там. Вместе с «пограницами» проводили тактическое слаживание по предотвращению проникновения ДРГ на территорию РФ. В ночь с 22 на 23 февраля за нами прибыли «Уралы» и вернули нас на КП батальона. После того как я получил оформленный по всем правилам боевой приказ, стало понятно – началось. И очень серьёзно. Бойцы ещё надеялись, что поступит команда «Отставить»...

Я во главе двух групп из состава моей роты получил задачу захватить два стратегических моста, разминировать и удерживать их до подхода наших основных сил. В дальнейшем быть готовым к захвату украинской погранзаставы. Остальные группы были прикомандированы к подразделению Максима Пескового с целью ведения наблюдения и обеспечения готовности в случае необходимости прийти к нам на помощь.

В 5–30 утра должен был быть нанесён артиллерийский удар по погранзаставе и скоплениям войск ВСУ. Но, как известно, на поле боя первым погибает план операции. Все рации оказались заглушены, и только я мог поддерживать связь по радиостанции спецрадиосвязи. Как следствие, наша артиллерия молчала.

Через некоторое время бронегруппа украинских пограничников попыталась отбить мосты, но в коротком стрелковом бою была отброшена назад, одна БДРМ поражена.

Мои бойцы подшапманили её, завели, и она стала нашим первым трофеем...

Меньше чем через час «Гюрза», посвежевший и отдохнувший, валялся на топчане Максима. Все новости и недавние события друзья успели обсудить, и теперь каждый был занят своим делом.

Дмитрий задумчиво смотрел в серые бетонные плиты потолка, а «Томск» сидел в кресле и копался в телефоне.

– Эх, сейчас бы ещё закурить... – мечтательно произнёс Макс. – А нету...

– Помчались? – предложил «Гюрза». – Выдвигаемся, – он решительно встал с топчана, не дожидаясь согласия друга. – Далеко?

– Нет, но места надо знать. При въезде, возле заправки, – сказал «Томск». – Магазинов несколько, но только в одном рубли принимают. Вернее, сначала там же обменивают на гривны, а потом продают. Двойной бизнес. Мы ж за границей, – усмехнулся Максим.

– Уже нет, – коротко хохотнул «Гюрза».

Полевой выход перед СВО. Слева – Максим Песковой, справа – Артём Башмаков, позывной «Астрахань»

БРДМ быстро мчалась по улицам Нового Айдара. Несмотря на холодный февральский пронизывающий ветер, солнце светило ярко, нагревая броню, которая передавала своё тепло друзьям, сидевшим верхом на «бардаке». Над их головами, хлопая на ветру, развевался синий флаг ВДВ. Изредка «Гюрза» и «Томск», стараясь перекричать гул мотора, перебрасывались малозначительными фразами.

– Ты спрашивал, как я тебя нашёл? Видишь, две «мотолыги» стоят? – «Гюрза» показал рукой в сторону тягачей МТЛБ, стоящих нос к носу на обочине дороги, возле которых возились несколько бойцов. – Это они мне рассказали, что комбат определил тебе место на блокпосте.

– А видишь, в проулке танчики стоят? – Макс указал на колонну из нескольких бронированных машин, на бортах которых были нарисованы тактические знаки ВСУ в виде фашистских крестов. – Это мои старые знакомые. Тут недавно интересная история случилась. Приедем, расскажу... У меня как раз бутылка виски есть.

– Где раздобыл? – удивился «Гюрза».

– Места надо знать, – засмеялся «Томск».

Из воспоминаний «Гюрзы»

Эти матрацы, кровати, раскладушки... счастье, что не на броне спишь, не в спальнике на снаряжных ящиках. Горячая вода, душ... Помылись – грязные, заросшие...

...Вечером ужин смастырили. Макс притащил бутылку яблочного виски «Бин Джин». Кто говорит, что на войне не употребляют, всё это фигня. Я не любитель был тогда, да и сейчас тоже... Жахнули, может, по рюмки три, что всё хорошо, все живые, здоровые, радостные... И все «уплыли» сразу же.

Для нас это был момент незабываемый. Вот такая получилась счастливая встреча...

Глава 2. Другая встреча

Война превращает в диких зверей людей, рождённых, чтобы быть братьями.
Вольтер

Украина, Новоайдарский район.

2 марта 2022 года.

Старший лейтенант Песковой находился в первой «мотолыге», которая двигалась по загородному шоссе, и напряжённо всматривался в окружающую местность. Таким же наблюдением занимались все бойцы его подразделения и на трёх других МТ-ЛБ³, следовавших позади него. «Ехали мы, ехали...» – Максиму вспомнился его счастливый сон, и он блаженно заулыбался.

Около часа назад «Томск» получил приказ комбата выдвинуться в головном дозоре в составе своей роты, чтобы разведать маршрут движения БТРГ из села Алексеевское на Новоайдар. Иными словами, предотвратить внезапное нападение противника на колонну бронетанковой группы из засады. В головной дозор назначают, как правило, наиболее опытных и надежных бойцов и командиров. Именно дозор всегда первым принимает на себя удар врага, поэтому по праву считается делом повышенного риска, но... Но «Гюрзы» в подразделении не оказалось на тот момент, и тогда комбат решил, что «Томск» с этим справится лучше остальных.

Ещё не случилось кровопролитных боёв, и СВО могла показаться рядовым полевым выходом или обыкновенными учениями; ещё не было горьких потерь друзей и сослуживцев; ещё никто не знал о беспощадном расстреле наших колонн на других направлениях, и головотяпство командиров не обходилось так дорого, как это будет чуть позже; ещё ничего не было слышно о профессиональных иностранных наёмниках и нечеловеческой жестокости, издевательствах над русскими пленными украинских нацистов из подразделений «Айдар» и других. Ненависть к врагу, месть за друзей ещё не стали чуть ли не главными мотивами, движущей силой, помогающей победить страх даже в самом тяжёлом бою. Может, поэтому выполнение данной боевой задачи воспринималось как очень ответственное, но не смертельно опасное дело.

Позади уже была половина пути. Дорога начала плавно поворачивать влево. Вдалеке за глубоким поворотом показалась густая лесополоса, которая легла перпендикулярно шоссе и представляла собой потенциальную опасность – это было очень удобное место для вражеской засады.

«Томск» хотел отдать команду механику-водителю, чтобы он сбавил ход, но тот уже сам догадался, и «мотолыга» медленно ползла к опасному месту. С каждым метром напряжение возрастало. Все бойцы уже были готовы в случае чего открыть ответный огонь.

Слева и справа по обочинам шоссе началась «зелёнка». С каждым метром она становилась всё гуще и плотнее, поэтому – опаснее. Песковой тут же остановил колонну.

– «Томск» – «Зиме», – начал вызывать он комбата.

– «Томск», я на связи, – немедленно отозвался командир.

– «Зима», «зелёнка» по обочинам началась. Впереди пятьдесят метров лесопосадка. Отправляю пеший дозор по обочинам, – доложил Макс.

– Работай, «Томск», работай. Я на приёме, – завершил сеанс связи комбат.

– «Томск» – «Рязани», – Максим по радиосвязи вызвал командира группы.

– «Томск», «Рязань» на связи, – тут же отозвался тот.

³ МТ-ЛБ – это многофункциональный гусеничный вездеход (прим. автора).

– Давай ко мне в машину, – скомандовал Песковой.

Уже через минуту «Рязань» стоял возле «мотолыги» «Томска». Песковой коротко поставил ему задачу – необходимо было скрытно досмотреть ближайшую «зелёнку», а также следующую за полем лесополосу и вернуться обратно, не вступая в огневой контакт в случае обнаружения «укропов».

Через минуту разведдозор во главе с «Рязанью» бесшумно исчез в ближайших зарослях «зелёнки». «Можно перекурить», – посмотрел на часы Песковой. Бойцы начали с радостью выбираться из машин, закуривая на ходу. Неожиданно вдали послышался приближающийся с каждым мгновением натужный звук мощного двигателя. Ещё через минуту Песковой понял, что это танк, который по дороге идёт к ним навстречу. «По местам!» – громко скомандовал «Томск», и бойцы неохотно полезли обратно в «мотолыги». Перед грядущей опасностью ротному необходимо было собрать подчинённых на исходную позицию, чтобы затем решить, как действовать дальше.

В это время из-за поворота вывернул танк с флагом украинских вооружённых сил. Он, клюнув стволом своего орудия, резко затормозил...

«Мотолыгу» лишь условно можно было назвать бронемашинной. Корпус многоцелевого транспортера-тягача лёгкого бронированного (МТ-ЛБ) сварен из стальной противопульной брони толщиной от 7 до 14 мм и способен защитить только от огня стрелкового оружия. Как правило, он используется для буксировки артиллерийских орудий, их расчётов и боеприпасов, перевозки грузов, в качестве санитарного транспортного средства и бронетранспортера для мотострелков, но не может защитить от выстрела гранатомёта или ПТУРСа.

Это понимал Макс, понимали и все бойцы, но более мощная бронетехника в подразделении на тот момент отсутствовала – не было положено по штату. Придавала уверенность мысль о том, что вторым номером идёт танк из приданного взвода разведки пехотного полка, а также мощная бронегруппа, в составе которой были и танки, и БТР, готовые в течение нескольких минут прийти на помощь.

«К бою!» – скомандовал по рации Максим и, не раздумывая, бросился под защиту «мотолыги». Через мгновение под лязг металлических дверей десантных отсеков наружу высыпали бойцы и заняли огневые позиции по обочинам дороги. Среди них особенно внушительно выглядели гранатомётчики, нацелившиеся на танк «укропов». Но тот в свою очередь неожиданно развернул башню в обратную сторону, одновременно опуская ствол орудия к земле.

Из воспоминаний «Гюрзы»

...После того как миновали мосты, без боя взяли украинскую погранзаставу, стали двигаться дальше. Шли по топографическим картам, но продвижение было настолько быстрым, что маршруты вскоре ушли за границу карт. Подразделения растянулись, тылы отстали и не успевали снабжать передовые части провизией.

Первые дни обеспечение было плохим, питание скудным, сухпайки заканчивались. Слава Богу, сёла, через которые мы проходили, были русскими, и нас встречали с российскими флагами, как освободителей. Говорили «спасибо», благодарили, что пришли.

Население снабжало продуктами, водой. Люди помогали маскировать боевую технику, потому что арта ВСУ уже начала плотно работать.

Две другие группы моей роты заходили с подразделением Макса уже по другому маршруту. На пару дней мы с ним встретились на пункте захваченной РЛС ВСУ.

Затем выдвинулись на Алексеевское для контроля трёх дорог – одна на Новоайдар, другая на Счастье, а третья – наша тыловая, по которой подходили основные силы. Мне была придана танковая рота и взвод мотострелков, а Макс был назначен в головной дозор бронетанковой группы.

Голодать не голодали. Однако на холоде и после длительного марша техника начала отказывать. Ещё до начала СВО весь Южный округ и наша дивизия были на учениях, и обслуживание техники было плохим, поэтому некоторые машины начали отказывать ещё до выдвигения на Украину.

Некоторые танки становились лишь наполовину боеготовыми. Одни могли вести огонь из орудий только при ручном зарядании, а в других эта система вовсе отказывала.

Тогда мы, чтобы такую бронетехнику хоть как-то использовать, стали выставлять их как приманку, муляжи, для привлечения внимания противника. А другие, работоспособные, стояли в засадах для ведения огня после того, как враг себя обнаружит.

Мы знали, что где-то впереди в лесах против нас стоял танковый полк ВСУ. Как я узнал впоследствии, Максим, будучи в головном дозоре, нарвался именно на него.

Ручных противотанковых средств в моём подразделении не было по штату, и мало кто из бойцов умел уверенно ими пользоваться. Много приходилось исправлять по ходу боевых действий, ко многому приспосабливаться. Застоявшийся военный многоуровневый механизм с трудом реагировал на срочные потребности передовых подразделений. Особенно это касалось радиосвязи, и возникшая неразбериха иногда оказывалась драматичной, а временами – роковой...

«Отставить!» – включив рацию, тут же отреагировал Песковой на более чем красноречивый манёвр танка ВСУ, и бойцы, щелкая предохранителями автоматов, поднялись с земли и укрылись за «мотолыгами». Но гранатомётчики на всякий случай остались на своих местах.

В это время Максим внимательно наблюдал за танком. Бойцы тоже притихли, готовые в любой момент вступить в бой. Напряжённая пауза явно затянулась. Наконец люк украинской бронированной машины открылся. Из него вылез военный в новеньком танковом шлеме и замасленном чёрном комбинезоне. Он легко спрыгнул на землю и уверенно направился к «мотолыгам» Пескового. «Томск» демонстративно закинул автомат за спину и тоже двинулся навстречу танкисту.

Военный остановился на расстоянии шага от Пескового. «Командир танкового батальона. Капитан», – представился он, не назвав своей фамилии. Максиму показалось, что он сделал едва заметное движение вперед для рукопожатия, но в последний момент передумал. «Командир роты. Старший лейтенант», – взгляды офицеров встретились.

– Там, – указал назад большим пальцем капитан, – танковый полк, готовый к атаке... – отвёл взгляд офицер. – Но мы не хотим воевать... Меня полкан отправил предупредить...

– Закурим? – чтобы выиграть время для размышлений, «Томск» достал пачку сигарет и протянул её капитану.

– Давай, – охотно согласился тот и вытащил из кармана комбинезона зажигалку.

Некоторое время офицеры молча курили.

– Ты же понимаешь, комбат, мы не с вами идём воевать, и земля ваша нам не нужна... Мы должны ваших нациков обнулить, и всё... – Максим понимал, что говорит прописные истины, а потому, как ему показалось, эти слова прозвучали неубедительно, но другой правды у него для украинского офицера не было.

– Понимаю... Они нас самих уже достали, – с горечью признался капитан. – Но и выбора нам не оставили... Через час мы пойдём... на вас... – комбат нервно смял и выбросил окуроч, – поэтому вам лучше уйти.

– Выбор всегда есть, – пропустил мимо ушей «Томск» прозвучавшее как угроза предложение уйти. – С нациками можно по-разному бороться. Например, пропустить нас без боя до них, – считая разговор завершённым, Максим развернулся и пошёл обратно.

– У вас час времени! – глядя ему вслед, крикнул комбат ВСУ, потом ещё некоторое время постоял и медленно двинулся к своему танку.

Бойцы с нетерпением ждали своего командира. «Что там?» – спросил «Астрахань». Вместо ответа ротный нажал на тангенту рации.

– «Томск» – «Зиме», – вызвал он комбата.

– «Зима» на связи, – тут же отозвался он.

– Провёл переговоры с парламентаром «укропов» ...Приём.

– На приёме. Что за парламентёр? – не мог скрыть своего удивления комбат.

– Встретили их танк на дороге. Комбат танкистов предложил разойтись миром...

– То есть как? Ты что несешь? – удивился комбат. – Как разойтись? Это невозможно...

Приём.

– Я ему то же сказал. Он ещё сообщил, что нас встречает танковый полк хохлов. Если через тридцать минут не отойдём, то атакуют всеми силами.

– Тогда срочно отправь вперёд пеший дозор на доразведку. Результат доложить немедленно, – распорядился «Зима».

– «Рязань» уже работает, – отчитался ротный.

– В любом случае занять оборону и задержать танки, пока мы подготовимся, – отдал приказ командир батальона.

– Есть! – принял приказ «Томск».

– Сейчас доложу выше. Жди дальнейших указаний, – сказал «Зима» и вышел из эфира.

Бойцы из переговоров ротного с комбатом поняли всё. Или почти всё. «Командиры групп, отделений – ко мне, – распорядился „Томск“. – Артём, – обратился он к „Астрахани“, – давай на рацию, свяжись с „Рязанью“ и уточни задачу по укрупновским танчикам. Я тут пока...»

Из воспоминаний «Астрахани»

...Не помню, честно говоря, что это был за населённый пункт. Кажется, село Алексеевское. Ехали мы первые в головном дозоре, а за нами БТРГ, огромное количество техники, людей... Навстречу нам приехал танк ВСУ... Я там рядом не был, но по словам слышал, что они просили развернуться и уехать обратно. Никто не хотел войны, ни мы, ни они. Говорили, что у них там танковый полк, и, если что не так, они встретят нас не добрыми словами...

Мы остановили свой БТРГ. Приняли решение отправить вперёд в пешем порядке группу. Пошёл мой командир отделения с позывным «Рязань» и с ним один человек...

Тем временем танк ВСУ начал разворачиваться, показав бронированный борт, и все бойцы с удивлением увидели тактические знаки в виде белого фашистского креста на броне украинского танка.

– Это не хохлы! – с внезапно нахлынувшей ненавистью воскликнул кто-то из бойцов. – Это немцы!

Из воспоминаний «Астрахани»

«Рязань» со своим бойцом лесопосадками подошёл к окраине Алексеевского. Все так и оказалось. В этих лесопосадках стояли танки... много танков. И получается, «Рязань» с Карловым тоже были обнаружены, и по ним «укропы» открыли огонь... Там кустарники какие-то были посреди поля. Зажали их двоих там, обстреливали миномётами. Я слышал по рации, как «Рязань» молил, чтобы их вытащили оттуда, потому что головы не могли поднять. Они лежали на земле...

Глава 3. «Астрахань» – «Рязань»

*Мимо, мимо, снова мимо,
Смерть курносая рычит...
Говорят – не слышно мину,
Ту, что, в лоб... тебе летит!*

Федор Резник⁴

Начало смеркаться. Где-то далеко, в стороне Донбасса, весенней грозой громыхала канонада и яркими зарницами сверкали залпы установок «Град». Бойцам роты старшего лейтенанта Пескового с трудом представлялось, что сейчас там уже начала разворачиваться кровавая битва двух бывших братских народов.

Два часа назад, когда ротный получил приказ любой ценой задержать танки «немцев», он первым делом выбрал более удобную позицию, и теперь его подразделение находилось под прикрытием кирпичных, но тонких стен заброшенных построек, похожих на животноводческую ферму. С особой тщательностью бойцы оборудовали места для ведения огня из гранатомётов, «мотолыги» тоже хорошо замаскировали. «Томск» составил систему ведения огня, определил секторы ответственности групп и каждого бойца в отдельности. Он доложил комбату о готовности к отражению атаки, получил «добро» и приказ скрытно оставаться на позиции до особого распоряжения.

Первая попытка укропов атаковать застала головной дозор ещё на дороге. Ротный едва успел осмотреться, как вдали зарычали несколько вражеских танков и двинулись на передовой отряд старшего лейтенанта Пескового. «Томск» немедленно дал команду: приготовиться к отражению танковой атаки, – но внезапно бронетехника «немцев» остановилась, а затем отошла на исходные позиции. Что это было, так и осталось неизвестным. Возможно, желание напугать наших бойцов.

После такой странной атаки противника примчался комбат. На коротком совещании, которое он возглавил, было принято решение отойти на более удобную позицию и скрытно находиться там до следующего утра. Если «немцы» решат, что головной дозор ушёл, то атаки не последует, и тогда удастся выиграть время для подхода наших основных сил. А если двинутся вперёд, то рота Пескового, усиленная одной БМД и танком, задержит украинские подразделения.

Из воспоминаний «Астрахани»

Макс дал команду спешиться и приготовиться к бою. Тогда это страшно очень было – встать на пути у танков. Но они остановились, а мы отодвинулись назад к какому-то строению. То ли база, то ли коровники, но группу «Рязани» не вытащили...

За два часа ожидания танковой атаки напряжение постепенно ослабевало. Противник никак не давал о себе знать. И команды «Отходить» от комбата тоже не поступало, как и не было подхода помощи от основных сил БТРГ. Рота старшего лейтенанта Пескового по-прежнему оставалась единственной преградой на пути танкового полка ВСУ.

⁴ Фёдор Григорьевич Резник (19 июня 1920 – 19 июля 1943) – старший сержант гвардии Рабоче-крестьянской Красной Армии, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1943).

Из рассказа ст. лейтенанта Пескового (со слов «Гюрзы»)

«Немцы» воевать явно не хотели. Возможно, им сложно было преодолеть психологический барьер. Будь они чуть решительнее, то раскрошили бы нас тогда в хлам двумя выстрелами из танковых орудий. Это чуть позже появились откровенные нацики...

По мере того как сумерки сгущались и подступала темнота, на душе Максима становилось всё спокойнее и спокойнее – он понимал, что у противника есть и ночные прицелы, есть и тепловизоры, но покров ночи давал преимущество обороняющимся. Потенциальные цели «укропов» были заметнее, и поэтому можно было не ждать, что танковый полк до утра предпримет атаку. Скорее всего, это случится только на рассвете, а к тому времени многое может измениться. Да и «Томску», как разведчику, ночь была более привычна для работы.

Однако за это время стала назревать ещё одна проблема – перестал выходить на связь «Рязань». Час назад он подтвердил скопление танков ВСУ и даже сообщил точные координаты мест их расположения. «Томск» сразу передал их «Зиме», но реакции командования не последовало. Как часто бывает в таких случаях, вместо немедленного решения «доклад по команде», похоже, застрял на одном из вышестоящих уровней начальства. «Томск» не сомневался, что приказ либо реакция от артиллерии наступит, но будут ли актуальны к тому времени переданные «Рязанью» координаты – этого не знал никто.

«Томск» разделил своё подразделение пополам, и сейчас третья и четвертая группы находились на дежурстве, внимательно наблюдая за местностью, а первой и второй группе он приказал отдыхать на позициях. Мехводы и наводчики спали за рычагами в своих «мотолыгах».

Максим лежал на грязном полу у входа в кирпичное строение и сквозь пролом в стене смотрел на мирное звёздное небо. Он даже и не пытался уснуть. Только что они с «Астраханью» поужинали и попили крепкого растворимого кофе из общего запаса: жёны офицеров собрали его для всех бойцов и передали им с оказией, которая добиралась до адресатов почти две недели. Максим сунул открытку, пропитанную парфюмом жены Юлии за ворот броника, и теперь лёгкий приятный аромат духов напоминал ему о доме и о любимой.

В ласковых лучах утреннего летнего солнца он увидел себя годовалым ребёнком на коленях ещё совсем молодой мамы, сидящей на деревянной скамейке возле подъезда потемневшего от времени брусового дома. Она придерживала его за ручки и речитативом напевала: «Ехали мы, ехали, прямо в ямку...» – задремал Макс. Бух! – где-то далеко, в поле, раздался взрыв мины. «Томск» тут же вскочил на ноги и выбежал наружу. За лесопосадкой в поле раздавались частые и глухие разрывы мин.

«Командир! – бросился ему навстречу „Астрахань“. – „Рязань“ на связи. Это его „укропы“ крошат сейчас из миномётов. Капец ему! Надо вытаскивать!» – он протянул Максиму радиостанцию, из которой сквозь разрывы мин слышались призывы «Рязани» о помощи.

– Я не могу, – «Томск» рукой отвёл в сторону рацию.

– Как не могу?! – опешил «Астрахань».

– Ты слышал, что комбат сказал? – Максим тоже перешёл на повышенный тон. – Сидеть тихо и не отвечать, чтобы «укропы» не видели, не слышали...

– Там «Рязань» погибает! – уже сорвался на крик «Астрахань»

– Что я могу сделать?! – «Томск» понимал, что с точки зрения офицера, командира роты и подчинённого он не имеет права отдавать подобные распоряжения, но «Рязань» был его боевым товарищем...

– Ну, командир, решайся... Ещё пять минут, и «Рязани» трындец...

Короткая, но яростная перепалка закончилась так же внезапно, как и началась. «Астрахань» выжидательно смотрел на командира роты, а тот глядел в сторону приданной на усиление

ние «копейки»⁵. Максим после недолгого замешательства сказал: «На „мотолыге“ там делать нечего. Сходу накроют... Попробуй договориться с командиром разведвзвода. Там у него прибор есть [ночного видения], – указал он рукой на БМП–1, – и делай, как знаешь...»

– Намёк понял, командир, – обрадовался «Астрахань» и помчался к «копейке».

– Стоять! – одёрнул его ротный. – Взводного...

– Понял, – Артём побежал к командиру разведвзвода, приданного роте «Томска». Тот внимательно выслушал сбивчивую просьбу «Астрахани» и без лишних слов только молча кивнул головой.

– «Астрахань» – «Рязани», – вызвал Артём по рации друга.

– На приём, – взволнованным голосом тут же отозвался он.

– Выдвигаемся. Потерпи, брат, потерпи. Будь постоянно на связи. Как понял? Приём...

– Понял тебя, «Астрахань», понял. Ждём...

Артём подбежал к мехводу, который дремал за рычагами.

– Брат, давай... Надо «Рязань» вытащить, – наклонился он к открытому люку БМП. – Твой взводный дал команду...

– А давай, – махнул рукой мехвод и тут же начал запускать двигатель.

– Я с тобой, «Астрахань»! – попросился командир 2 отделения 2 взвода Вадим Яковенко.

– Давай, – сразу согласился «Астрахань», понимая, что быстрее не возражать, чем объяснять, почему это смертельно опасно. – Может, пригодишься.

– Залетай на броню, и... – скомандовал мехвод.

– Погодь, – перебил его Артём, – Прём по проселочной, за лесополкой направо вдоль поля, но с дороги не сходи – мины могут быть. Как только я тебя по шлему торкну, сразу стоп, разворот, цепляем мужиков и обратно. Всё понял?

– Как не понять? Понял, – хохотнул мехвод. – Только по башке не переборщи.

«Астрахань» влез на «копейку» и, обхватив рукой прохладный ствол оружия, скомандовал:

– Погнали!

– Ну, держитесь, пацаны! – «копейка» резко тронулась с места, в полной темноте с выключенными фарами помчалась по дороге. Опытный и отчаянный мехвод вёл машину по прибору ночного видения.

– «Астрахань» – «Рязани», – уже на ходу Артём включил рацию.

– Я здесь, братишка, – тут же отозвался «Рязань». Голос его иногда заглушался близкими разрывами мин.

– Значит, слушай сюда, – «Астрахань» с трудом удерживал рацию возле лица. – Пулей к дороге. Как мы будем рядом, кричи мне: «Стоп колёса!» Я на связи. Минут пять, и мы там...

– Понял тебя. Они, суки, кучно кладут... – надрывно отозвался «Рязань».

– Срывайтесь и со всех ног к нам. Только так. А то мы вас не увидим, мимо можем проскочить. Как понял? Приём... Там мины могут быть... Врубаешься?

– «Рязань» – «Астрахани». Понял, понял... Вариантов нету...

«Копейка», то глубоко ныряя, то высоко взлетая носом из ухабов, мчалась по неровной проселочной дороге. «Стой!!» – услышал Артём в эфире истошный вопль «Рязани» и тут же двинул ногой по затылку мехводу. А тот, матерясь на всю округу, бросил машину в лихой «полицейский разворот», виртуозно развернул её и на мгновение остановил. А затем почти сразу дал полный газ. Но и этого хватило, чтобы «Рязань» с бойцом ловко вскочили на броню. Однако «Рязань» едва удержался на скате брони и, чтобы не упасть, изо всех сил больно схватил Артёма за ногу.

⁵ «Копейка» – БМП–1 (жаргон).

Как только «копейка» рванула с места, позади неё упали сразу несколько мин. Мехвод, подбадривая себя азартными криками и лихим свистом, виртуозно вёл машину извилистым просёлком. БМП опережала разрывы «укроповских» мин буквально на несколько секунд. Наконец обстрел прекратился, – очевидно, наводчик миномётной батареи потерял «копейку» из вида, – но затем, когда бойцы остановились уже на позициях роты обстрел, возобновился вновь.

«Как мы их сделали!» – радостно хохотал мехвод, не обращая внимания на начавшийся обстрел. – Ну, ты мне башку копытом своим чуть не снёс, – он снял шлемофон и взъерошил вспотевший затылок.

– Прости, брат, – заулыбался «Астрахань».

– Херня война, главное – манёвры!

Из воспоминаний «Астрахани»

Темнота была просто полная... Темень... Я и командир отделения второго взвода Яковенко Вадим (он напросился ко мне) понеслись на БМП в сторону «Рязани». Мехвод «копейки» ехал по ночным приборам, чтобы не единого света не было. Машина очень манёвренная, быстрая... Я сел над мехводом и смотрел в окуляр ночного прицела. Держал радиостанцию возле уха, ждал, когда «Рязань» крикнет «стоп». Яковенко рядом тоже держался за ствол. Бью по затылку мехвода. Он делает стоп-разворот полицейский... Вкапываемся. Смотрю в окуляр: бегут по полю «Рязань» и его боец Карлов. Тянем Карлова. «Рязань» тяну за руку на себя. Слышу, как он сквозь шум мотора благодарит меня – слёзы на глазах... Схватил за ногу так, что я думал, синяки останутся... По газам, следом прям за нами миномёты клали – хорошо так... прямо по дороге...

Чтобы выйти из-под обстрела, Максим дал команду отойти и занять другие позиции. Срочно прибыл комбат и приказал укрыться в лесопосадке. Замаскировались. «Астрахань» с Максимом поужинали отвратительной тушенкой, погрызли галеты и запили холодной водой.

Из воспоминаний «Астрахани»

Помню, выставили охрану. Посидели на «мотолыге». С Максимом Владимировичем поужинали. Попытались отдохнуть, но никто не спал...

В дальнейшем через два года войны «Астрахань» после двух тяжёлых контузий и осколочных ранений был переведён в штаб батальона инструктором.

«Рязань» летом 2025 года на позиции дважды попал под обстрел кассетниками. Получил тяжелейшее ранение, но его сумели эвакуировать.

Из воспоминаний «Астрахани»

...И два раза его каскетами накрыло. Еле успели вытащить... Ногу спасли, аппарат Илизарова стоит на ноге, на костылях ходит пока. Пластина в голове, нескольких пальцев на руках лишился... а так вроде нормально всё. Дома сейчас, на реабилитации.

(19.09.2025 года)

На следующее утро комбат приказал выделить две группы. Одна от нас, другая от роты РГР. Получается, я поехал на одной машине с комбатом на окраину Алексеевское.

Начали наблюдать и поняли, что вся техника «укропов» начала отходить. Получается, мы двигались по их следам. На хвосте. Добрались до Золотого, и там уже начались прямые столкновения...

Глава 4. Перепалка в эфире

Ежели тебе по нраву перелаиваться, ищи такого же холопа, как сам есть. С ним перелаивайся. Токмо мы боле на лай твой никакого ответа давать не будем.

Иван Грозный. «Ответ шведскому королю Юхану III»

Подразделения ВС России, уже наученные предыдущими событиями, входили в Алексеевское со всеми тактическими предосторожностями, но обошлось без боестолкновений.

Алексеевское – село на Украине, расположенное в Амвросиевском районе Донецкой области. К востоку от села примерно в 3 километрах проходила граница между Украиной и Россией. Население по переписи 2001 года составляло 434 человека.

Деревня оказалась свободной от украинских войск. Главная задача была перекрыть три дороги. Одна из них шла на Новый Айдар, вторая – на Счастье, и третья, по которой должны подходить подразделения обеспечения с продуктами, боеприпасами, прикрывала наши тылы.

Для пункта временной дислокации батальона были выбраны два больших металлических ангара, которые ранее использовались для хранения и сушки зерна. В них ещё оставались разобранные и проржавевшие остатки сельскохозяйственной техники.

В одном расположили тентованные «Уралы», МТ-ЛБ, а также большую часть личного состава. В другом находились управление батальона и батальонные радисты со своей аппаратурой. Тепла металлические убежища не давали, но это всё-таки была крыша над головой и защита от ветра, дождя или снега.

Ночь после зачистки населенного пункта Алексеевское выдалась беспокойной и шумной. Около двух часов ночи чёрное небо внезапно озарилось вспышками выстрелов, красными росчерками трассеров, разразилось грохотом взрывов. Весь личный состав был поднят по тревоге, но команды «Вперёд» так и не поступило. Отвратительная радиосвязь не позволила достоверно разобраться в обстановке, и командование приняло благоразумное решение не ввязываться в бой, чтобы не оказаться источником «дружественного» огня. Но бойцы всю оставшуюся ночь дежурили в готовности выдвинуться на помощь в случае запроса. Запроса не поступило, и только на рассвете ситуация стала понятной.

На шоссе близ деревни дымилась разбитая колонна ВСУ. Туда немедленно направилась группа для досмотра. Выяснилось, что ночью тыловые подразделения украинской армии попали в засаду и были наголову разбиты.

Из воспоминаний «Гюрзы»

Ночной бой был недолгим. К тому времени мы уже взяли первых пленных, восемнадцать человек. Среди них были офицеры, прапорщики, сержанты ВСУ... К разгромленной колонне мы выдвинулись утром на «Урале», когда едва рассвело. Со мной были командир взвода «Шаман» и водитель машины. Оказалось, что хохлы с вечера попытались выйти из окружения и нарвались на передовой отряд. При первом же обстреле сопротивления не оказали и попросту бежали. Мы их потом отлавливали по лесопосадкам несколько дней.

Всего в разбитой колонне оказалось восемнадцать единиц техники: КрАЗы, «Уралы», Мазы – все автомобили материально-технического обеспечения. После беглого осмотра стало понятно, что втроём нам тут не справиться. Тентованная техника была забита стрелко-

выми боеприпасами, ящиками со снарядами и минами... Короче, нормально мы там трофеев «нахлопали». Не оказалось только провизии.

С тех пор как дивизия вошла на исконно русские земли украинской территории, подразделения выполняли свои задачи отдельно, и теперь офицеры батальона редко собирались вместе. Не было вечерних совещаний у комбата, посиделок младших офицеров в каптерках, беспредметного трёпа в курилках, поэтому редкие встречи друзей стали если не праздником, то как минимум радостным событием.

«Гюрза» сидел в нагревшемся от зимнего полуденного солнца металлическом ангаре на огромном колесе от трактора «Беларусь» и с удовольствием поглощал картошку с тушенкой. Он с шумом прихлёбывал горячий бульон с ложки и заедал его свежим хлебом, откусывая куски прямо от буханки.

Неожиданно дверь ангара со скрипом распахнулась, и в лучах яркого солнца появился тёмный силуэт военного.

– Кто там? – окликнул «Гюрза» неожиданного гостя.

– Это я, твой сестра, книжка почитать прищёл! Здравия желаю, товарищ капитан, – засмеялся «Томск», и «Гюрза», как только услышал радостный возглас, сразу узнал своего друга Максима. – Что, Фёдорыч, хавашь втихушку? – засиял он своей белозубой улыбкой, искренне радуясь встрече с другом.

– Солдат если он не спит, то значит, он ест! – Дмитрий поставил на цементный пол котелок и бросился к Максиму. – Прибыл наконец. Есть будешь?

– Сейчас своих бойцов определяю, – Максим наклонился над котелком. – Что тут у нас сегодня? Ого! Картоха? Да ещё и хлеб свежий. Дас ист фантастиш! Это радует. Задолбали галеты и сухари, – «Томск» зачерпнул ложку похлебки и с хрустом откусил от буханки румяную корочку. – Откуда такая роскошь?

– Местные подкармливают. Вчера женщина привезла два мешка картошки, капусту. А сегодня хлеба свежего, целых три поддона. Заодно сообщила, что видела толпу подозрительных личностей за огородами, – Дмитрий включил рацию, но тут же выключил её. Макс попытался вернуть котелок другу, но «Гюрза» жестом руки отказался. – Доедай. Я уже вторую порцию с голодухи ем. Сейчас дам команду, чтоб ещё хавчика принесли и твоих накормили, – направился он к двери. Однако она распахнулась, в ангар ступил боец и замер у входа, привыкая к полумраку после яркого весеннего солнца.

– Разрешите, товарищ капитан? – громко произнёс он.

– Разрешаю, – усмехнулся «Гюрза». – Что хотел, «Майонез»?

– Вас по закрытой связи вызывают.

– Кто? – обеспокоенно спросил капитан. – «Зима»?

– Не могу знать! – громко ответил боец. – Но точно не комбат.

– Сколько вас учить? Прежде чем суетиться, узнавайте, кто меня требует.

– Нерусский какой-то.

– То есть как? – вскинул брови «Гюрза».

– С акцентом говорит, – с удивлением уточнил солдат.

– О как! – засмеялся «Томск».

– Короче, пошёл он на хрен, – пренебрежительно махнул рукой Дмитрий, – скажи, не нашёл. А пока притащи-ка товарищу старшему лейтенанту порцию картохи, чаю горячего покрепче.

– Есть! – вытянулся по стойке «смирно» боец. – Разрешите идти?

– Иди, – махнул рукой «Гюрза», – И это... «Майонез», – назвал он подчинённого по позывному, – Мужиков «Томских» покормите, – посмотрел он в сторону Максима, – и ещё

хлеба буханку прихвати, – он сел рядом с другом, забрал с его колен АКС и поставил рядом. – Рассказывай.

– А нечего рассказывать, – «Томск» с аппетитом поглощал уже немного остывшую еду. – Днём двигались, ночью спали... хотя нет, приколы были... Каждое утро просыпаемся, а мы на... кладбище. Все три ночи. Прикольно? – заразительно засмеялся он.

– А вдоль дороги мёртвые с косами стоят? И тишина? – пошутил «Гюрза». – Не страшно было?

– Я ж тебе рассказывал, брат, – «Томск» с удовольствием облизал ложку и бросил её в опустевший котелок, – Я почти всю сознательную жизнь на кладбище прожил, прикинь. Мы там с пацанами сутками пропадали.

– Значит, ты и домой на кладбище?..

– Ага. Это если к родителям.

Из воспоминаний командира взвода с позывным «Астрахань»

По-моему, в село Школьное несколько дней до Золотого, ночью, приехали колонной. В посёлке оставаться было опасно, да и не знали, что там и как. Принято было решение, что будем на кладбище. Технику, как могли, спрятали. По отделениям расположились, кто палатки поставил, кто в машине. Вокруг кладбища была низина, вот там все и расположились. На третий день пустили в школу переночевать всех, а потом поехали дальше на Золотое.

Дверь в ангар снова распахнулась.

– Товарищ капитан, вас опять по связи, – в этот раз это оказался радист.

– А хавчик чего не принёс? Хотя ладно...

– Командир, там «чурка» по рации вызывает.

– «Чурка»? – удивился «Гюрза». – Айда, Макс, посмотрим, кто там меня ищет. Там заодно и чайку попью, пока время есть...

Трофейная БРДМ была спрятана во втором ангаре, в тридцати метрах от первого. Там же находились радист «Гюрзы» и рядовой состав его роты. Бойцы отдыхали и развлекались, как могли, однако шутки и смех тут же стихли, когда в помещение вошли «Томск» и «Гюрза».

Дежурный связист сидел возле «Намотки-КС» на приёме с тангентой в руках.

Радиостанция Р-353НК «Намотка КС» предназначена для:

– обеспечения симплексной открытой и закрытой слуховой телефонной, слуховой телеграфной радиосвязи;

– обеспечения быстросвязи между специальным корреспондентом и специальным радиоузлом (Центром) в ручном и автоматическом режимах;

– передачи цифровой (файловой) информации;

– дежурного приема сигналов радиоузла на стоянке и в движении;

– определения своего местоположения (географических координат, в метрах и в градусах).

Управление радиостанцией может осуществляться от пульта дистанционного управления (ПДУ) на удалении до 100 м в условиях среднепересеченной местности. Комплекс также позволяет проводить сеансы связи по заранее заданному времени в автоматическом режиме.

На тот момент «Намотка» оставалась единственным действующим и обеспечивающим средством связи.

«Гюрза» опустился на корточки рядом с сидевшим на деревянном ящике из-под патронов радистом.

– Чего там? – спросил он, взяв из рук недоумевающего бойца тангенту, и приложил один наушник к уху. – «Гюрза» на связи...

Максим присел как можно ближе к другу и с любопытством прислушивался к переговорам. «Слышь, „Гюрза“, я тебя...» – из наушников понеслись грязные ругательства в адрес «Гюрзы», его матери, отца, России и бойцов российской армии. Оскорбительный монолог с явным кавказским акцентом длился довольно долго. Бойцы, слышавшие всё прозвучавшее в эфире, с напряжением наблюдали за реакцией своего командира. Максим тоже удивленно посмотрел на Дмитрия. «„Гюрза“, ходи в ночи и бойся, – перешёл к угрозам кавказец. – Я иду за тобой...»

– Слышь, ты... немытая, – наконец не выдержал «Гюрза» и разразился в ответ изошрёнными ругательствами, – Давай я тебя найду и отымею везде, где можно и где нельзя. Скидывай координаты, приду, схлестнёмся на «калашах». В пейнтбол сыграем, – весело подмигнул он Максиму.

На некоторое время в эфире стало тихо, а затем вдруг грянуло: «Ще не вмерла Украина...» – зазвучали звуки украинского гимна.

– Как!? Ещё не «вмерла»? – шутливо изобразил удивление Макс. Его последние слова утонули в дружном хохоте бойцов.

– Отставить радоваться! – прикрикнул «Гюрза», и смех мгновенно стих.

– Командир, откуда он тебя знает? – спросил кто-то из бойцов.

– В эфире выцепил, но не суть. Какой делаем вывод?

– А какой тут может быть вывод, командир? – спросил один из бойцов.

– Я сейчас разговаривал с хохляцким чуркой по «Намотке», радиостанции засекреченной связи, если кто забыл, и противник нас прекрасно слышал и даже сам... – «Гюрза» строго обвёл глазами сидевших перед ним подчинённых. – В Чечне такого не было, хотя предательство там случалось и нередко. Поэтому вывод первый... – подвёл краткий итог Дмитрий.

– А что, будет и второй? – спросил радист.

– Будет и десятый! – усмехнулся Дмитрий.

– Виноват, – успел вставить боец.

– Вывод первый... – пропустил мимо ушей извинения подчинённого «Гюрза»/ – Боевое распоряжение известно противнику раньше, чем оно дойдёт из штаба в подразделение. В каждом нашем штабе есть вражеский шпион, в каждом штабе противника есть наш... разведчик...

На самом Дмитрий пришёл к такому выводу ещё во время второй чеченской кампании, а сейчас был подходящий случай, чтобы убедительно озвучить его своим подчинённым.

– Но есть ещё и следствие из этого ввода, – продолжил «Гюрза». – Никогда не иди тем путём и в то время, которое указано в боевом распоряжении, если на сто процентов не уверен, что тебя там не ждут. Поэтому... – посмотрел он на часы, – построение на выполнение боевой задачи через два часа. А задача будет поставлена только на построении, – усмехнулся Дмитрий.

– Я с тобой, брат, – тут же вызвался Макс.

– Знаешь поговорку? – спросил «Гюрза».

– Какую?

– Не лезь в герои, пока не позовут.

– А-а-а. Типа не просись на войну?

– Так точно! Хотя... как хочешь.

«Гюрза» имел безоговорочный авторитет в глазах Макса, по сути являлся старшим братом, но в этот раз он поступил вопреки мнению Дмитрия и увязался за ним. Тем более, что выход предполагал быть недолгим – с вечера до утра.

Глава 5. Томская кадетка

Если человек утратит любовь к честности, он быстро вовлечется в такое множество дурных поступков, что приобретет привычку к бесчестным правилам жизни.

Николай Чернышевский

Старинный город Томск всегда занимал особое место в истории Сибири. За более чем четырёхсотлетнюю историю своего существования Томск сумел сохранить лучшие традиции русского провинциального уклада жизни: гостеприимство, вежливость, воспитанность, культуру.

В России мало городов, где так заботливо сохраняются старинные дома. Где так органично уживаются купеческие дома с резными наличниками и новостройки типовой застройки. А архитектура центрального проспекта напоминает величественный Невский в Санкт-Петербурге.

Благодаря своим ВУЗам Томск по праву считается городом молодёжи. Шесть государственных университетов, множество колледжей делают его городом студентов. Но так уж сложилось, что кадетский корпус здесь появился только в сентябре две тысячи пятого года.

* * *

Эта идея давно витала в воздухе у семьи Песковых – идея поступления двенадцатилетнего Максима в Томский кадетский корпус. И в мае 2008 года Владимир Вячеславович, отец будущего кадета, повёл сына туда на день открытых дверей. Это событие для гостей любого образовательного учреждения несёт в себе некоторое лукавство, вводит в заблуждение. Кубки, вымпелы и другие награды за спортивные достижения на застеклённых полках в холле при входе, подтянутые воспитанники в красивой чёрной форме, современные учебные классы, чистота и порядок в жилых комнатах не могли не поразить воображение гостей – мальчишек и их родителей. День открытых дверей – это не открытость жизни и учёбы, а лишь парадная сторона учебного заведения. И все те строгие изменения в жизни, которые предстояли тринадцатилетним кадетам, оставались скрытыми в тени.

Решение Максимом было принято самостоятельно. В июле он успешно сдал все экзамены, в том числе один из самых важных – по физической подготовке, и был зачислен в седьмой класс Томского кадетского корпуса.

Департамент общего образования

Томской области

Областное государственное общеобразовательное учреждение

Кадетская школа-интернат

«Томский кадетский корпус»

Приказ

От «20» августа 2008 года № 29

О зачислении воспитанников в 7,8,9 классы

В связи с правилами приёма в ТКК приказываю

1. Зачислить в 7 класс для продолжения обучения следующих обучающихся

(48 человек):

...

13. Жосан Владимир Сергеевич;

...

19. Киликельдин Семён Олегович;

...

36. Песковой Максим Владимирович.

Директор С. В. Шиляев

Смеркалось. Белый полумесяц постепенно желтел, а свет его на фоне темнеющего неба становился все ярче и ярче, отбирая первенство у заходящего солнца.

Только что, ровно в двадцать два часа, прозвучала команда «Отбой». Четыре обитателя комнаты номер 29 уже лежали в своих кроватях, но ещё не спали. Наступало лучшее время для вечерних душевных бесед кадетов-старшеклассников Томского кадетского корпуса.

Четыре года назад несколько первых месяцев после поступления в кадетку для двенадцати-тринадцатилетних мальчишек давались очень тяжело. Некоторые из них не выдерживали и уходили. Поначалу вырванным из привычной домашней среды пацанам постоянно хотелось спать. Непреходящее чувство голода, полувоенная дисциплина, строгие запросы воспитателей к учебе, от которой зависели увольнения домой, требовали усилий воли и напряжённого труда. Но постепенно жесткий распорядок вошёл в привычку, а повседневной средой стала «располага», классы и аудитории для занятий. А сейчас, в десятом классе, чтобы выспаться, юношам хватало и шести-семи часов в сутки, кроме того, они умудрялись «добить» недостающие минуты в течение дня – на занятиях, сампо⁶ или в личное время.

Обитатели двадцать девятой комнаты изредка перебрасывались отдельными фразами, однако разговора в этот раз не получалось. Первым не выдержал Семён Киликельдин.

– Курить хочется, спасу нет, – пожаловался он.

– Говорил же, после ужина давайте курнём, – подхватил Матвей. – На сампо всех звал...

– Может, сейчас курнём? – предложил Вова Жосан.

– Время пол-одиннадцатого, – посмотрел на часы Максим. – Как думаете, дневные уже ушли?

Дневные воспитатели уходили сразу после отбоя, передав смену ночным, и момент передачи дел был самым подходящим, чтоб покурить, оставшись незамеченными.

Максим, глубоко высунувшись в окно, закурил. Над ним встал Семён, а сбоку пристроился Матвей Филимонов⁷. Чтобы дым не попадал в комнату, приходилось высовываться как можно дальше.

Юноши торопливо пыхали сигаретами. В это время слышались шаги в коридоре. «Палево», – громким шепотом предупредил кто-то из парней. Юноши торопливо выбросили непогашенные сигареты вниз и юркнули под одеяла.

Шаги стихли, но в это же время с крыльца спального корпуса раздался грозный окрик: «Не понял! Это что за фейерверки с третьего этажа?!»

– Это Игнат, – накрылся с головой одеялом Семен.

– Спалились! – констатировал Матвей.

⁶ Самостоятельная подготовка, выполнение домашнего задания в классе после обеда и до ужина (жарг.). – (Прим. авт.)

⁷ Матвея Филимонова нет в списках настоящего приказа, так как он поступил в кадетку позже (прим. авт.).

Из воспоминаний друга юности Владимира Жосана

О характере могу сказать, что Максим был всегда спокойным, всегда ко всему относился хладнокровно, любая проблема для него не была проблемой, но в то же время такого спокойного человека можно было завести так, что не остановить. Самый весёлый человек, который даже в грустную минуту мог рассмешить любого.

Через несколько минут дверь распахнулась, и тут же зажегся свет. На пороге комнаты стоял рассерженный дневной воспитатель Игнатий Валерьевич.

– Подъём! – грозно скомандовал он. – Курим? – строго спросил он после того, как юноши встали с кроватей.

– Так, – воспитатель подошёл к плохо прикрытому окну. Потом резко повернувшись, посмотрел в глаза Семёну. – Ты курил?

– Никак нет, – опустив глаза, ответил он.

– Значит, ты? – Игнатий Валерьевич обратился к Матвею.

– Нет, не я.

– Ты, конечно, тоже не курил? – воспитатель повернулся к стоявшему возле окна Максиму.

– Я? – вытянувшись по стойке «смирно», глядя прямо в лицо Игнатию Валерьевичу, едва ли не с вызовом переспросил Песковой и тут же добавил:

– Я курил.

В комнате воцарилась тишина.

– Ну, что ж... Очень хорошо, то есть плохо, – не скрывая удивления, сказал воспитатель и пошёл к двери. У порога он повернулся и напоследок произнёс:

В. Жосан, позывной «Топаз»

– Доложу руководству, а завтра на утреннем разводе... скорее всего, получишь взыскание.

Игнатий Валерьевич вышел. Свет в комнате погас.

Пока шёл разговор, тьма за окном сгустилась окончательно. Город постепенно засыпал. Расстроенные кадеты молча лежали в постелях, однако чувствовалось, что никто из них не спал.

– Мля, хреново как-то все вышло, – наконец проронил Матвей.

– Хреново, – подхватил Семён.

– Нормально всё, пацаны, – отозвался Макс. – Отбой, – нарочито лениво зевнул он.

– Короче, если завтра Макс на разводе что-то серьёзное накатят, идём все и во всём признаемся, – предложил Семён.

– Договорились, – согласился Матвей. Володю Жосана решили с собой не брать, как непричастного к инциденту.

Максим закрыл глаза, и его сознание окутал счастливый сон из детских воспоминаний...

В ласковых лучах утреннего летнего солнца он увидел себя годовалым ребёнком на коленях ещё совсем молодой мамы, сидящей на деревянной скамейке возле подъезда старого, потемневшего от времени брусового дома. Она придерживала его за ручки и речитативом напевала: «Ехали мы, ехали, прямо в ямку бух!» – и в этот момент мама быстро разводила колени, а мальчуган с замиранием сердца, залиvisto смеясь и путаясь ножками в длинном подоле её легкого платья, проваливался вниз, а затем снова взлетал вверх и: «Ехали мы, ехали, прямо в ямку бух!» – вновь и вновь слышался нежный речитатив ласкового маминого голоса. – «Ехали мы, ехали, прямо в ямку...»

Из воспоминаний друга детства Максима Романа Рутковского

С Максимом мы познакомились в самом начале первого класса. Не помню, кто из нас первый к кому подошёл, но помню, что подружился почти сразу... Нам всегда было весело и интересно. Максим много читал и много чего знал, он много рассказывал на разные темы...

Мы были обычными детьми, но я всегда чувствовал в нём внутреннюю силу и желание быть лидером, не соглашаться с чужим мнением, отличным от его, но при этом он был всегда справедливым, если можно так говорить о ребёнке...

Мы выросли, и его сила и характер становились более яркими. Он никогда не соглашался с тем, что ему не нравилось. Иногда с ним сложно было дружить из-за этого, так как будто он давил на тебя своей энергией. Будучи подростками, мы несколько раз конфликтовали с ним, но во всех случаях мирились и продолжали общаться.

Большой перерыв произошёл, когда Максим поступил в кадетский корпус. Мы несколько лет не общались с ним. Но потом или случайно встретились (уже не помню), или списались в соцсетях и начали общаться снова. Я помню, как он поменялся. Стал более спокойным, сдержанным, но эта сила оставалась в нём, он как будто научился контролировать её...

Следующим утром на повседневном построении всё было обыденно и привычно. Обыденно, но не для кадета Пескового. После объявлений и постановки текущих задач директор кадетского корпуса генерал-майор Шилев вместо команды «Разойдись» прошёлся вдоль строя, сурово осматривая кадетов, остановился и задержал взгляд на Максиме Песковом. Генерал заложил руки за спину, и это был плохой знак. Когда директор отошёл, Семён тихонько проговорил: «Капец Макс». Матвей бросил взгляд на друга, затем на Максима и едва заметно в знак согласия кивнул головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.